

Социология села

Социальный капитал польского села (в контексте процессов интеграции Польши в ЕС)

Кристина Шафранец – доктор наук, профессор
Института развития села и сельского хозяйства
Польской академии наук, Варшава

E-mail: krystyna.szafraniec@umk.pl

Социальный капитал польского села (в контексте процессов интеграции Польши в ЕС)¹

Kapitał społeczny Polskiej wsi (W kontekście procesów integracyjnych z UE)

Аннотация

Процесс интеграции Польши в европейское сообщество ставит вопросы о степени готовности самого общества к восприятию перемен, сопутствующих вступлению в ЕС. Первая часть статьи посвящена анализу теорий социального капитала как важнейшего показателя уровня готовности общества к интеграционным процессам. Во второй части приведены результаты эмпирических исследований социальных ресурсов современного польского села и их интерпретация с привлечением категорий социального капитала.

Abstract

This text has two aims – to relate the results of research carried out in IRWiR PAN (Institute for Rural and Agricultural Development Polish Academy of Sciences) on rural social capital and achieve a useful social interpretation of those results referring to the theory of social capital. Nowadays social capital is becoming a very important element in academic and political discourse. It is seen as having the potential for greater efficiency in levelling social differences, improving the opportunities of rural inhabitants. No matter how popular and positive, social capital can be understood in various ways due to its various theoretical sources, it is also possible to point out its negative aspects. This text is an attempt at showing the nuances of how social capital works. The first part presents the basic understanding of the category discussed here. The second part is a presentation of the results of empirical research where interpretation was carried out in the light of earlier outlined concepts.

Ключевые слова: интеграция, социальный капитал, развитие сельских сообществ, инновационный потенциал, гражданское общество

Keywords: social capital, rural development potential, civic society

¹ Текст публикуется впервые. Перевод с польского выполнен кандидатом исторических наук Е. Д. Вознесенской (Центр социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН).

Вызовы, стоящие перед сельскими территориями в Польше, носят двойкий характер. Во-первых, в них отражается ряд положений, которые расцениваются как позитивные, целенаправленные, что выражается в рассчитанной на долгосрочную перспективу концепции развития сельских территорий в Европе (изменения социальной и аграрной структур, технологии сельского производства, качества рабочей силы, уровня жизни сельских жителей, состояния инфраструктуры села и т. д.). В основе этой концепции лежит идея многофункционального, сбалансированного, нео-эндогенного развития, регенерации села, а, следовательно, эффективного соединения элементов современности с традицией, перемен – с непрерывностью, сельскохозяйственного производства – с сохранением природных ресурсов и т. д. Во-вторых, вызовы, о которых идёт речь, подразумевают также готовность сельских общин к эффективному использованию механизмов, применяемых в сельскохозяйственной политике в процессе приспособления сельского хозяйства некоторых стран-членов к стандартам ЕС. Имеются в виду такие механизмы (и связанные с ними возможности), как непосредственные выплаты, структурные пособия, фонды и институты, программы по активизации развития села и т. д. Они становятся важным капиталом развития польского села, далеко выходящим за рамки чисто финансовой поддержки. Как известно, для того, чтобы воспользоваться возможностями, которые создает единая сельскохозяйственная политика Европейского Союза (WPR), необходимо уметь не только изыскивать средства, но также разумно их использовать и, главным образом, капитализировать.

Сегодня трудно найти исследование, где не подчеркивалась бы огромная роль, которую играет в этих процессах *социальный капитал*. Однако каждый, кто оперирует этим понятием, считает своим долгом выдвинуть серьёзные возражения, связанные с его использованием. Так, утверждается, что это модное, а потому малостоящее понятие, что оно многозначно и в качестве такового приводит к мало вразумительным интерпретациям, что оно понятие-«отмычка», т. е. не является понятием вообще, и потому лучше было бы его не использовать. Между тем поток литературы по этой тематике возрастает, а теоретические расхождения между по-разному определяемыми социальными капиталами становятся всё более изощрёнными, и – что важнее всего – эти теоретические расхождения имеют чрезвычайно важные практические последствия.

Представленная ниже статья преследует две цели – сопоставить результаты исследований, которые были проведены Институтом развития села и сельского хозяйства ПАН по проблемам социальных ресурсов села, а также дать приемлемую для социальной практики интерпретацию этих результатов,

обратившись к теории социальных капиталов. Тема исследований, о которых здесь идёт речь, сформировалась из указанных практических целей. Это годы, непосредственно предшествовавшие нашему присоединению к ЕС. В Польше были запущены крупные программы, предназначенные для сельского хозяйства, которые финансировались из средств ЕС и Мирового Банка (PHARE, SAPARD, ISPA). Их бенефициантами могли стать такие инициативы и такие сообщества, которые доказали свою способность генерировать так называемые сети поддержки – по большей части институциональные договорённости, базирующиеся на внутренних и внешних социальных ресурсах села. Ключевой фактор этого метода – деньги для тех, кто располагает социальным капиталом или же способен его генерировать. Отсюда возник вопрос о состоянии социальных ресурсов села, а принцип «зелёного света» для тех, кто «оснащён социальными ресурсами», навёл на мысль, что процедуры распределения европейских средств могут оказаться механизмом углубления существующих различий между сёлами с высоким и низким социальным капиталом. Нами было предпринято исследование, в котором мы исходили из предположения, что состояние социальных ресурсов села необязательно должно определяться состоянием экономических, инфраструктурных или институциональных ресурсов и что, возможно, на территориях, отстающих в цивилизационном и экономическом отношении, можно обнаружить достаточный уровень социальных связей, готовность к коллективным действиям или вовлечённость в дела местного сообщества.

Определение социального капитала

Понятие социального капитала глубоко укоренилось в публичном и научном дискурсах, получив в них широкое хождение. В основном, категорию социального капитала связывают с понятиями сплочённости и сотрудничества в рамках сообщества. «Социальный капитал относится к тем институтам, союзам или нормам, которые формируют качество и количество групповых социальных интеракций...». Это «удерживание вместе» является основополагающей осью всех трактовок в исследованиях, базирующихся на социальном капитале. «Социальный капитал – это не только сумма институций, которые поддерживают сообщество, это связующее вещество, которое удерживает людей вместе» [1]. «Социальный капитал складывается из совокупности активных связей между людьми: доверия, взаимопонимания, совместно разделяемых ценностей и правил поведения, которые объединяют членов в человеческие сети и сообщества, а также делают возможным сотрудничество» [2, с. 4].

Широко используемая категория обязана своим происхождением двум различным теоретическим традициям. Первая традиция – это концепция культурного структурализма Пьера Бурдьё, вторая – теория рационального выбора и социального обмена Джеймса Колемана. Концепция последнего легла в основу теории социального капитала, которая завоевала мир благодаря работе по её популяризации, проделанной Робертом Путнамом. В исследованиях, где социальный капитал является основной объясняющей категорией, эти две традиции вступают в противоречие друг с другом, поскольку каждая из них предлагает свой метод дефиниции социального капитала.

Согласно П. Бурдьё социальный капитал – это система актуализированных или потенциальных ресурсов, предполагающих обладание стабильными сетями взаимных знакомств и опознаваний, которое является следствием членства в группе и как таковое обеспечивает каждому из членов поддержку и удостоверяет его в отношениях с другими. Эти отношения могут быть выражены в материальных и/или символических обменах. Они могут также быть социально санкционированы, институционализированы и распознаваемы путем использования общего имени (фамилии, принадлежности к школе, социальному классу, политической партии и т. п.), которое даёт информацию о том, откуда этот человек или где (с кем) он бывает (см.: [3, с. 21]). Понимаемый таким образом социальный капитал является собственностью отдельных личностей, которые используют этот ресурс часто совершенно неосознанно в своей борьбе за статус, признание, престиж либо власть. Проще говоря, социальный капитал – это другие люди, к которым мы можем обратиться, те контакты, на которые мы можем сослаться, у которых мы можем перенимать культурные компетенции, получать знания, одалживать деньги. Качество социального капитала, его объём и рыночная стоимость зависят от «качества» лиц, создающих сети социальных принадлежностей. Как отмечает Стефан Болл (см.: [4]), социальный капитал среднего класса существенно богаче и более эффективен с практической точки зрения, чем социальный капитал представителей рабочего класса. Об этом свидетельствует уровень наличного культурного капитала, а также доступ к экономическим и культурным ресурсам лиц, которые составляют социальное окружение индивида.

С точки зрения Колемана, социальный капитал является не индивидуальным, а общественным благом, характеризующим сообщество (социальную группу) (см.: [5, с. 95–120.]). Уровень социального капитала, чаще всего определяемый уровнем доверия, более высок в сообществах с сильными структурами, с чётко выраженными, широко разделяемыми нормами и ценностями. На этом основании возникает готовность к объединению и к вовлечению в общественную дея-

тельность на благо сообщества. Согласно Колеману, сплочённые и малочисленные сообщества являются лучшей базой для формирования человеческого капитала, чем большие и разнородные. Это происходит благодаря «структурной замкнутости» (*stuctural closure*), ведущей к тому, что различные проявления социальной деятельности индивидов перекрещиваются друг с другом, усиливая контролирующую функцию сообщества, которое таким образом охраняет ценности и ограничивает потенциально негативное поведение, отклоняющееся от общепринятых правил. В малых сплочённых сообществах общественная деятельность индивидов находится в постоянном взаимодействии, укрепляя чувство принадлежности к общине и одновременно чувство социального контроля. На этой основе строится доверие, которое является результатом веры в предсказуемость поведения других членов сообщества, вытекающую из приверженности общим ценностям, а также неминувности санкций, грозящих за нарушение норм.

Положения Колемана получили развитие в работах Роберта Путнама (см.: [6]), который различает два вида социального капитала: капитал спланивающий и капитал наведения мостов. Их можно анализировать в русле конфликта между *сужением связей* (*bonding*), *исключением* и *наведением мостов* (*bridging*), *включением*. Конструирование социального капитала может идти в направлении укрепления связей между членами сообщества, в результате чего складывается эксклюзивная группа «своих», тесно взаимодействующих друг с другом на благо общего дела. С другой стороны, может быть сформирован такой социальный капитал, который позволяет «наводить мосты», т. е. открывает доступ к новым источникам ресурсов. Образно говоря, капитал сплочения скрепляет единство сообщества; капитал, «наводящий мосты», открывает пути к другим сообществам и другим влияниям. Они не исключают друг друга, однако могут приобретать различные характеристики. Таким образом, бывают сообщества с большим потенциалом капитала сплочения и низким капиталом наведения мостов и наоборот. С точки зрения социально-экономического развития идеальной представляется сбалансированность качеств обоих типов капитала, когда ни один из них не является доминирующим.

Путнам вычленяет пять характеристик социального капитала. Во-первых, социальный капитал облегчает гражданам решение общественных проблем. Люди действуют более эффективно, если, предпринимая совместные действия, они опираются на общие для всех ценности. Во-вторых, там, где люди полагаются на свои силы и лояльны по отношению к совместно установленным социальным нормам, общественная транзакция обходится дешевле. Этот аргумент приводится чаще всего в доказательство позитивного влияния социального

капитала, особенно в сфере экономики. Доверие, вытекающее из уверенности в том, что нормы неукоснительно соблюдаются всеми, снижает расходы по транзакции. В-третьих, социальные контакты, опирающиеся на совместные ценности и следующие социальным нормам, дают людям возможность убедиться, что они со своими личными проблемами не являются одинокими объектами, изолированными от других. «В людях, которые обладают активными и доверительными связями с другими, развиваются или поддерживаются черты характера, благоприятные для сообщества. Те, кто ангажирован, более толерантны, менее циничны и более отзывчивы (*emphatic*) и чувствительны к неудачам других. Если люди не имеют контактов с другими, не имеют возможности тестировать правильность своих взглядов, они становятся догматичными, подозрительными, завистливыми. В-четвертых, сети, которые формируют социальный капитал, служат также каналами поступления дополнительной информации. Благодаря взаимосвязям люди получают информацию о рабочих местах, о возможностях инвестирования, медицинского обслуживания и т. п. В-пятых, исследования показывают, что люди, обладающие богатым социальным капиталом, лучше справляются с травмами и легче переносят заболевания. Возможность обсудить проблемы с друзьями, эмоциональная поддержка с их стороны становятся натуральным (социальным) лекарством против болезней, которые можно охарактеризовать как цивилизационные и которые имеют своим источником изоляцию и одиночество личности (см.: [6, с. 288–289]).

В большинстве исследований социальный капитал трактуется как нечто изначально позитивное. Чем выше уровень социального капитала, тем лучше функционируют локальные структуры, тем выше образовательные достижения, меньше социальных патологий, выше готовность принимать вызовы, которые несёт в себе изменчивая реальность. Инвестиции в социальный капитал являются одним из наиболее настойчивых требований современной социальной и экономической политики. Можно прямо говорить о политической идеологии социального капитала, которая, восхваляя общину, представляет её как альтернативу одиночеству современного человека. Между тем следует помнить, что характеристики конкретных сообществ с точки зрения их социального капитала могут быть не только катализатором, но и препятствием для социальных перемен. На это следует обращать внимание при рассмотрении социальных условий экономического развития современного польского села. Коррелирует ли факт цивилизационного отставания с определённым характером социального капитала? Прежде, чем ответить на этот вопрос, проследим изменчивые исторические судьбы социального капитала польского села – как в институциональном, так и в (меж)личностном смысле этого слова.

Можно прямо говорить о политической идеологии социального капитала, которая, восхваляя общину, представляет её как альтернативу одиночеству современного человека. Между тем следует помнить, что характеристики конкретных сообществ с точки зрения их социального капитала могут быть не только катализатором, но и препятствием для социальных перемен.

Атрофия и возрождение социального капитала польского села: историческая перспектива

Первые организации самоуправления и взаимопомощи сельских жителей начали возникать на польских землях в шестидесятые годы XIX в. Они действовали на каждой из трёх территорий, аннексированных Россией, Австрией и Германией. Это были крестьянские кружки, товарищества землевладельцев, кассы взаимопомощи, социальные, политические и образовательные учреждения. Самое большое число таких организаций (2098) приходилось на территории, аннексированные Австрией. В период между войнами число сельских организаций существенно возросло. В 1938 г. существовало 10 881 сельских кружков, объединяющих 303 000 членов (около 9% земледельцев). Активно действовала Польская крестьянская партия, молодёжная организация «Wici» и многие другие. Начиная с 1946 г. социальная и хозяйственная деятельность разных организаций была объединена в структуру, подчинённую коммунистической власти. Политическая оттепель (1956-1959 гг.) стала периодом динамичного развития крестьянского самоуправления, когда самостоятельные инициативы крестьян приобрели ведущее значение. В 1960-е гг. их вновь начали объединять в общую политическую структуру. Возник Центральный Союз крестьянских кружков (свыше 21 000 человек), а затем так называемые машинно-тракторные станции, к ним отошло свыше 25 000 кружков, они выполняли широкий спектр местных услуг. С 1970-х гг. за крестьянскими кружками сохранились исключительно хозяйственные функции, и сами кружки были подвергнуты ещё большему огосударствлению. В период «Солидарности» Центральный союз крестьянских кружков добился статуса профсоюза – организации, представляющей интересы крестьян-единоличников. Кроме того, действовал Независимый самоуправляемый профсоюз «Солидарность», активно работали кружки сельских хозяек, крестьянские отраслевые объединения и их союзы.

После 1989 г. на селе наступает глубокий организационный регресс. Это коснулось как кружкового движения, кружков сельских хозяек, крестьянских производственных кооперативов, так и – особенно – государственных крестьянских хозяйств, которые были ликвидированы. Все исторические достижения кружкового движения были утрачены вместе с содержащимися в нём неиспользованными общественными и материальными ресурсами. Шоковые темпы реструктуризации крестьянского сектора первого периода преобразований стали главной причиной девальвирования человеческого, социального и материального капитала в деревне. Общим результатом

либеральной политики тогдашнего правительства, при одновременной технологической потере работоспособности крестьянского хозяйства и потере спроса на сельскохозяйственную продукцию, стала хозяйственная и социальная деградация сельской среды.

С 1992 г. в сельском хозяйстве начали возникать новые институции, такие, как Агентство сельскохозяйственного рынка, Агентство сельскохозяйственной собственности государственного казначейства, а также специализированные структуры и фонды, занимающиеся сборами и расходованием средств по развитию села и сельского хозяйства (FDPA – Фонд развития польского сельского хозяйства, FAPA – Фонд программ помощи сельскому хозяйству, PII – Фонд программ помощи сельскому хозяйству), неправительственные организации, занимающиеся развитием села и сельского хозяйства, объединяющиеся в так называемые сети поддержки, органы крестьянского самоуправления (крестьянские палаты).

Ещё до вступления в ЕС, поскольку Польша получила финансовую помощь от ЕС и Всемирного Банка, возникла необходимость создания новых институциональных структур, которые отвечали бы за расходование этих средств в соответствии с процедурами, предусмотренными дарителями или кредитодателями, как это было, например, в случае Всемирного Банка. В период, предшествующий вступлению Польши в ЕС, это были программы PHARE (Польско-венгерская программа реконструкции экономики), SAPARD (Special Accession Programme for Agriculture and Rural Development), ISPA (Instrument for Structural Policies for Pre-Accession), ASAL (Программа адаптации сельскохозяйственного сектора), PAOW (Программа активизации сельских территорий).

После вступления Польши в ЕС последовали общеевропейские программы: SPO ROL 2004-2006¹ (в том числе PPL LEADER+²) и PROW 2004-2006³. На реализацию этих программ было выделено около 10 млрд евро. Конкретно для села и сельскохозяйственного сектора предназначается программа PROW 2007-2013. Предполагается, что всего на реализацию программы будет истрачено около 254 млрд евро, в том числе 4 млрд евро – из польского бюджета и около 8 млрд – из средств бенефициантов. На эти средства могут претендовать до 2015 г. крестьяне, сельские предприниматели, организации сельских жителей, сельские органы самоуправления. Бенефициантами самых крупных средств могут стать юридические лица или их объединения – фонды, ассоциации,

¹ Секторная программа для сельского хозяйства (2004-2006).

² Пилотажная программа LEADER+ в соответствии с методом внедрения принципов единой сельскохозяйственной политики Европейского Союза (WPR) базируется на формировании и актуализации человеческих ресурсов и социального капитала.

³ План развития сельских территорий (2007-2013).

неправительственные организации. Деятельность многих из них всё чаще вписывается в процедуры и миссии международной программы PREPARE (Partnership for Rural Europe), согласно которой развитие сельскохозяйственных территорий должно стать результатом партнёрского взаимодействия между физическими, хозяйственными и общественными субъектами, придерживающимися концепции сбалансированного развития. Эта концепция предполагает бережное отношение к среде и к её природным ресурсам, соблюдение свободы выбора места жительства, активное взаимодействие между городом и деревней, стабильность и сохранение сельских сообществ и т. д.

Основным методом осуществления этой концепции является развивающееся снизу создание многосекторного партнерства (т. н. сети поддержки) и формирование центров местных инициатив и местных групп активистов. LEADER – это подход к развитию сельских территорий, стимулирующий местную общественность принимать на себя ответственность за своё будущее. При таком подходе речь идёт об интеграции местных ресурсов, с опорой на партнеров, которые могут быть на данной территории (хозяйственных, но не только), с приспособлением к местным условиям и к местной стратегии развития. Стимулирование низовой инициативы осуществляется с помощью социальных аниматоров, хорошо подготовленных и владеющих этим методом. Местная общественность будет решать, чем может стать LEADER. Именно она устанавливает приоритеты, определяет, что делать и каким образом действовать.

Методика такой программы опирается на вовлечение социального капитала, в первую очередь имеющего эндогенный, местный характер; однако, в конечном счёте, прежде всего институциональные механизмы решают, как будет развиваться сеть. Одновременно можно сказать, что в получивших широкий размах наднациональных программах (а именно они являются основным источником поддержки села и сельского хозяйства) не социальный капитал конвертируется в другие (финансовые) виды капиталов, а финансовый капитал, происходящий из общеевропейских средств, конвертируется в социальный капитал, который является составным элементом реализации политики развития сельскохозяйственных территорий (см.: [7]).

В условиях Польши, где социальный капитал села (как институциональный, так и относящийся к местным сообществам) оказался в значительной мере выхолощенным (см.: [8, с. 204–214]), общеевропейские средства и приводимые в движение с их помощью социальные инициативы (фонды, сети поддержки, партнерство, центры местных инициатив) становятся уникальным шансом для восстановления этого капитала.

В условиях Польши, где социальный капитал села (как институциональный, так и относящийся к местным сообществам) оказался в значительной мере выхолощенным, общеевропейские средства и приводимые в движение с их помощью социальные инициативы (фонды, сети поддержки, партнерство, центры местных инициатив) становятся уникальным шансом для восстановления этого капитала.

Динамика явления, которую можно легко определить по количеству использованных средств, числу организованных юридических лиц и партнёров, показывает, что Польша с этой точки зрения принадлежит к наиболее активным странам ЕС. Труднее выяснить степень готовности местных сообществ к восприятию этих новых вызовов. Поскольку активность внешнего (институционального) социального капитала, отчасти обращаемого к внутренним (организационным) ресурсам села, чрезвычайно важна, то без вовлечения и готовности к переменам самих жителей села возможность использования шансов, которые даёт вступление в ЕС, существенно снижается. Далее мы представляем результаты исследования именно этого рода социальных ресурсов польской деревни.

Состояние социальных ресурсов села

Исследование, о котором пойдёт речь, проводилось на территории шести гмин¹. Гмины отбирались так, чтобы, с одной стороны, в них были представлены различные социально-экономические, инфраструктурные (различный уровень цивилизационного развития гмины) характеристики, с другой стороны, чтобы они представляли широкий спектр сёл, отражающий польскую специфику (крестьянские сёла, совхозы, сёла, расположенные в пригородных районах, в благополучных, в проблемных регионах). Учитывались также уровень и условия жизни селян, функционирование сельской системы образования (в том числе местная образовательная политика), а также разнообразные факторы, которые могли быть включены в ёмкую формулу социальных ресурсов или человеческого капитала. Под социальными ресурсами мы понимаем (а) определённую общую готовность сельского сообщества предпринимать локальные инициативы, включаться в решение важных для сообщества вопросов (таких, например, как ремонт местного моста, реакция на ликвидацию местного здравпункта); (б) качество социальных связей и уровень идентификации с местным (и более широким, чем местное) сообществом, а также наличие местных лидеров. К человеческим

¹ Гмина (польск. "gmina" – волость) – наименьшая административная единица Польши. Название произошло от немецкого "gemeinde" (русск. «община»). Руководство гмины составляют: совет гмины, избираемый на всеобщих выборах местного самоуправления, а также правление, избираемое советом гмины и осуществляющее исполнительную власть в гмине. В сельских гминах председатель называется войт (польск. "wójt"), в небольших городках – бурмистр (польск. "burmistrz"), а в крупных – президент (польск. "prezydent"). К компетенции гмины относятся, в частности, начальные школы, детские сады, библиотеки, дома культуры, местный транспорт, управление рынками, здравоохранение. Руководство гмины отвечает за порядок и безопасность на своей территории, в его ведении находятся дороги местного значения, организация коммунального хозяйства и т. д. В результате последней реформы теперь в компетенцию гмины входит также распоряжение финансовыми средствами. Всего в Польше 2478 гмин (по состоянию на 2004 г.) (см.: [9]).

ресурсам мы отнесли всё то, что могло быть важным (либо что мы считали таковым) при принятии человеком различных жизненных решений (уровень образования, ожидания и жизненные достижения, некоторые личностные черты, такие, как оптимизм/пессимизм, демократизм/авторитаризм, хорошее/плохое самочувствие в системе). Необходимо было выяснить, насколько уровень человеческого и социального капитала является производной от социально-экономического уровня развития среды. Или, другими словами, существует ли закономерность, что в гминах с плохими социально-экономическими показателями (т. н. проблемных) мы имеем дело с таким же плохим социальным и человеческим капиталом, а в благополучных гминах – с хорошим, либо такая закономерность не просматривается? Для лучшего понимания сельской специфики с целью сопоставления в исследование были включены две городских гмины, в которых были проведены аналогичные измерения¹.

При анализе социальных ресурсов села принимались во внимание различные мнения – начиная с самого близкого круга вопросов, касающихся собственной деревни или гмины, через проблемы села вообще, и завершая вопросами самого широкого плана, касающимися страны в целом. Было выделено четыре категории капиталов. Первая категория – это *капитал социального доверия*, который измерялся вопросами о доверии по отношению к людям, институтам, политическим партиям. Вторая категория – *капитал общественной активности*, указывающий на готовность к деятельности, направленной на помощь другим людям и/или к активному вмешательству, если речь идёт о проблемах, угрожающих локальной общине. Третий тип капитала отражает *гражданские позиции*. Они включают в себя чувство личного влияния на решение проблем собственного села, гмины, воеводства, страны, а также сообщения об участии в выборах органов самоуправления и в общеевропейских референдумах. Наконец, четвертая категория – это *инновационный капитал*, который складывается из отношения сельских жителей к переменам, происходящим в польском селе и в Польше после 1989 г.²

Уровень капитала социального доверия, подразумевающий уровень декларируемого доверия к людям, институтам и политическим группировкам, в селе чаще всего носит умеренный характер, свидетельствуя о том, что доверие к социальным партнёрам по интеракции носит здесь выборочный характер. Как правило, сельские жители выражают доверие людям ближайшего окружения – «своим» – и не доверяют

¹ Результаты этих исследований представлены в работах К. Шафранец (см.: [10; 11]).

² Было условлено, что каждый вид социального капитала строится на основе нескольких переменных, которые поддаются измерению. В результате социальный капитал получает характеристики: низкий, средний и высокий.

Было выделено четыре категории капиталов: первая – это капитал социального доверия, вторая – капитал общественной активности, третья – гражданские позиции, четвертая – инновационный капитал.

Как правило, сельские жители выражают доверие людям ближайшего окружения – «своим» – и не доверяют «чужим», особенно если последние представляют общественные организации, политические группировки либо органы центральной власти.

«чужим», особенно если последние представляют общественные организации, политические группировки либо органы центральной власти. Различия между сельскими гминами невелики, а факт проживания в селе существенно более значим, чем характеристики социального статуса респондента. Относительно большую социальную открытость демонстрируют представители интеллектуальных видов деятельности, наиболее недоверчивы – сельские предприниматели. Одновременно, как показывают данные таблицы 1, уровень доверия среди сельских жителей выше, чем среди горожан.

Таблица 1

Капитал социального доверия (КСД) и тип гмин –
городская и сельская (N=1117), %

КСД-уровень	Тип гмины				
	Благополучные пригородные гмины	Средние сельские гмины	Слабые сельские гмины	Сельские гмины в целом	Городские Гмины
Низкий	37,1	27,4	39,8	35,8	74,0
Средний	44,4	66,1	45,7	47,9	21,0
Высокий	18,5	6,5	14,5	16,3	5,0
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Принципиально иначе складывается картина относительно второй из выделенных нами категорий – *капитала социальной активности*, где оцениваются и мнения о целесообразности деятельности общины, и личная готовность к участию в работе в пользу других людей, в том числе в пользу местной общины. Опрашиваемым было предложено оценить две ситуации, которые могли бы сложиться в любом селе или в городе.

1. Разрушается деревянный мост через ручей. Мост очень удобен, и все им часто пользуются как ближайшим путём в соседнее селение, где находятся магазины, железнодорожная станция и др. Мост требует работ по его сохранению – дерево гниет, в досках возникают дыры, пользоваться мостом становится опасно. «Как Вы считаете, кто в такой ситуации в первую очередь обязан что-либо предпринять?» И далее: «А Вы лично могли бы что-либо предпринять?».

2. В гмине был хороший медпункт, но Фонд медицинского страхования намеревается его ликвидировать. Медпункт можно спасти, однако это потребует больших усилий. Что бы Вы предприняли в этом случае?

a – я вмешался бы лично и стал бы активно действовать;

b – сам я не очень знаю, что надо делать, но если бы меня привлекли, я бы охотно помог другим;

c – я не стал бы беспокоиться, а стал бы пользоваться платными медицинскими услугами или начал бы лечиться где-нибудь ещё;

d – я испытал бы чувство одиночества, ощутил бы своё полное бесправие, почувствовал бы себя лишним;

e – ничего бы не делал – это не моего ума дело;

f – трудно сказать.

Высокую оценку социального взаимодействия и готовность к самостоятельному принятию общественных инициатив мы определяли как высокий уровень социальной активности. Умеренный уровень ангажированности и амбивалентная (обусловленная обстоятельствами) готовность включения в общественные инициативы были квалифицированы как средний уровень капитала социальной активности. Ощущение бессмысленности проявления общественной активности, а также пассивный, выжидательный или равнодушный стиль реагирования на проблемы местного сообщества мы определяли как показатель низких ресурсов.

Выявленные на этом этапе исследования мнения и реакции опрошенных дали совершенно отличный от предыдущего результат, указывающий на наличие глубокого разрыва между сферой социального доверия (в частности, в отношении к «чужим») и готовностью включиться в деятельность в защиту местной общины – на её благо (см. таблицу 2).

Таблица 2

Капитал социальной активности (КСА) и тип гмины – городская и сельская община (N=1117), %

КСА- уровень	Тип гмины				
	Благополучные пригородные гмины	Средние сельские гмины	Слабые сельские гмины	Сельские гмины в целом	Городские гмины
Низкий	7,1	1,2	6,2	8,8	17,0
Средний	49,1	32,7	43,7	43,1	64,0
Высокий	43,8	66,1	50,1	48,2	19,0
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Именно сельские жители видят смысл включаться в решение проблем и тем активнее, чем больше они связаны с проблемами местного сообщества. Самая типичная реакция – как по отношению к разрушающемуся мосту, так и по отноше-

Именно сельские (в отличие от городских) жители видят смысл включаться в решение проблем и тем активнее, чем больше они связаны с проблемами местного сообщества.

нию к ликвидации медпункта – лично предпринимаемая инициатива либо подключение к действиям, предпринимаемым другими, без отсылки на обязательства власти, специализированных институтов и т. п. Жители городских гмин в тех же самых ситуациях чаще рассчитывают на инициативу и помощь институтов и чаще полагают, что эта общественная деятельность их не касается.

Интересно, что готовность к включению в действия, предпринимаемые в пользу местного сообщества, особенно ярко выражена в сельских гминах с посредственными и неблагоприятными характеристиками развития. Это можно объяснить относительно неплохим состоянием социальных связей в сельских местных сообществах. Одновременно представляется, что здесь действуют и иные, более глубинные факторы. Вполне вероятно, что такая высокая оценка социальной активности берёт свое начало в крестьянской традиции взаимопомощи. Определённую роль играет также исторический опыт, убеждающий жителей села в том, что они маргиналы и обречены на одиночество, что в трудных ситуациях они могут рассчитывать, прежде всего, на самих себя. И, наконец, не стоит недооценивать здесь и роль лидеров сельских местных сообществ, которые, будучи выходцами из этой среды, получают кредит доверия в качестве «своих» (см.: [12, с. 71–120]).

Обратимся к анализу разновидности социального капитала, которая касается *гражданских позиций* сельских жителей.

Таблица 3

Гражданский капитал (ГК) в сельских гминах (N=1017), %

КСА- уровень	Тип гмины			
	Благополучные пригородные гмины	Средняя сельская гмина	Слабые сельские гмины	В целом
Низкий	50,6	27,4	35,7	39,1
Средний	37,1	48,8	46,0	42,0
Высокий	12,4	23,8	18,3	18,9
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0

Мы определяли гражданский капитал на основе нескольких различных вопросов, позволяющих измерить оценку респондентом своего влияния (на проблемы села, гмины, воеводства, страны) и декларируемую им свою электоральную активность. Высоко оцениваемое личное влияние на решение проблем, касающихся государства, края, и декларируемое участие в выборах (в органы самоуправления, в парламентских выборах, в общеевропейских референдумах) давали основание для относительно высокой оценки гражданского капитала. Позиции, указывающие на более ограниченный круг граждан-

Гражданский капитал в более широком смысле «проваливается» именно там, где отсутствие чувства социальной безопасности совмещается с ощущением отсутствия перспектив (деревни в цивилизационно отсталых регионах с преимущественно традиционным крестьянским хозяйством).

ской активности, оценивались нами как средние, а отсутствие чувства личного влияния и декларации о неучастии в выборах определялись как низкий уровень гражданского капитала.

Как показывают данные таблицы 3, наиболее редко высокий уровень гражданского капитала встречается в исследуемых сельских гминах. Низкий уровень, означающий политическую пассивность и отчуждение, встречается в два раза чаще. В некоторых гминах гражданский капитал выражен ещё слабее. Это касается гмин, где доминирует неактивное либо рабочее население (пригородные гмины), а также гмин, отсталых в цивилизационном отношении, где настроения безнадежности выражаются в политической пассивности и отчуждении. Гражданский капитал в этих случаях оказывается непосредственно связанным с капиталом социального доверия. Там, где это доверие находится на низком уровне и ограничивается самыми близкими контактами, там равным образом не проявляется и гражданское чувство. Исключение составляют случаи малой родины. Гражданский капитал в более широком смысле «проваливается» именно там, где отсутствие чувства социальной безопасности совмещается с ощущением отсутствия перспектив (деревни в цивилизационно отсталых регионах с преимущественно традиционным крестьянским хозяйством).

Важным элементом социального капитала, от которого в значительной мере зависит то, как он будет использован, является отношение к переменам, происходящим на селе и в более широком социальном окружении. Легко можно себе представить, что готовность включаться в деятельность на пользу общего блага – на селе наиболее заметная в локальных общинах – может приводить к очень разным результатам. Она может означать тенденцию к эксклюзии, укрепляя село в его неподвижности и изолируя его от внешних влияний. Но она может также означать тенденции ассимиляции, игнорирующие сельскую специфику. Многое зависит от того, как видится действительность и какое направление преобразований поддерживается большинством, а также от местных лидеров, которые могут конвертировать социальную ангажированность в различные типы активности.

Каково же отношение сельских жителей к системным переменам? Принимают ли они общую линию проводимых и предполагаемых реформ? Мы просили давать оценки разным ситуациям и преобразованиям как в отношении собственной деревни, села вообще, так и польского общества в целом. Совокупность этих оценок, взглядов и мнений, связанных с направлением осуществляемых преобразований, мы назвали *инновационным капиталом* («капитал открытости»), который означает здесь степень открытости по отношению именно к этим изменениям. Также, как и для других кате-

горий социального капитала, здесь мы использовали шкалу различных уровней инновационного капитала: низкий уровень (означающий нежелание перемен, трактовку перемен в категориях угрозы), средний (амбивалентное, неоднозначное отношение) и высокий (означающий рационально позитивное отношение к переменам, оценку их в категориях шансов и вызова).

Из совокупности данных, полученных в ходе исследования, вытекало, что энтузиастов системных преобразований и перемен, которые за ними следуют, среди сельского населения крайне мало (7,9%). Принципиальных противников в шесть с половиной раз больше (см. таблицу 4). Наиболее распространённое амбивалентное отношение (более половины опрошенных) следует трактовать как вполне обоснованную позицию, которая не свидетельствует ни о противостоянии реформам, ни о ксенофобии. Трудно быть энтузиастом дела, которое вызывает множество опасений.

Таблица 4

**Инновационный потенциал (ИП)
в сельских и городских гминах (N=1017), %**

КСА- уровень	Тип гмины				
	Благополучные пригородные гмины	Средние сельские гмины	Слабые сельские гмины	Сельские гмины в целом	Городские гмины в целом
Низкий	43,5	45,8	42,8	40,1	31,0
Средний	48,8	51,8	53,1	52,0	69,0
Относительно высокий	7,6	2,4	4,1	7,9	–
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Наиболее скептически настроены крестьяне, мелкие предприниматели и безработные. Особенно большие опасения и чувство угрозы вызывает у них перспектива вхождения Польши в ЕС. По-иному позиционируют себя относительно открытия Польши (и польского села) навстречу переменам группы, располагающие какими-либо активами (образование, квалификация, машинный парк), – более зажиточные предприниматели, специалисты, учащаяся молодёжь. Эти группы связывают надежду на улучшение условий жизни и расширение жизненных шансов именно с рационализацией решения многих проблем на селе и в сельском хозяйстве и с присутствием Польши в ЕС. Безусловно, доброжелательно относится к переменам молодёжь. Крестьяне – самые активные противники вступления Польши в ЕС – смягчили свое отношение после того, как обнаружили, что средства Европейского союза – это единственный источник, которым можно воспользоваться для проведения реформ на селе и для реализации местных инициатив (см.: [13]).

Энтузиастов системных преобразований и перемен, которые за ними следуют, среди сельского населения крайне мало (7,9%). Принципиальных противников в шесть с половиной раз больше. Наиболее распространённое амбивалентное отношение (более половины опрошенных) следует трактовать как позицию, которая не свидетельствует ни о противостоянии реформам, ни о ксенофобии.

Учёт всех этих элементов социального капитала в целом даёт представление об определённом *стиле вовлечённости в общественную деятельность*. Понимание этого стиля позволяет понять, на что – на какой тип поддержки – можно рассчитывать, предлагая программы активизации сельских локальных сообществ либо привлекая в разного рода инициативы.

Таблица 5

Стиль вовлечённости в общественную сферу жизни и тип гмины (N=1117), %

Стиль деятельности	Тип гмины				
	Пригородные гмины	Средние сельские гмины	Слабые сельские гмины	Сельские гмины в целом	Городские гмины в целом
Недоверчивый, пассивный	25,6	9,5	18,3	19,4	24,0
Амбивалентный	55,0	63,1	57,2	54,9	69,0
Открытый, ангажированный	19,4	27,4	24,5	25,8	7,0
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Данные таблицы 5 показывают, что доминирует амбивалентный тип (55%) – осторожные оценки системных изменений, недоверие по отношению к внешнему окружению, но одновременно отзывчивость на проблемы собственного общества и готовность включиться в практические действия на благо сообщества, при условии, однако, что инициаторами выступают другие, главным образом, из «своих». Всё это создает совокупность черт, которые приложимы также к образу «среднего» поляка-гражданина: не очень уверенного в своём личном влиянии на деятельность институций и учреждений государства, однако не лишаящего себя права влиять, по крайней мере, на ход выборов; не отрицающего идеи общественной солидарности, но с большим удовольствием пользующегося привилегиями гражданина, имеющего в своём распоряжении государственные учреждения и институты.

Вторым по численности выступает открытый, ангажированный тип (26%), который может быть описан двумя почти противоположными стилями деятельности. Первый – это стиль «реформатора – активного гражданина», второй – «реформатора-мечтателя». Оба эти стиля совмещают в себе позиции социальной ангажированности, убеждённости в необходимости совместных действий во имя общего дела и готовность взять на себя в этом отношении личные обязательства. В обоих случаях присутствует осознание возможности оказывать влияние на гораздо более крупные проблемы, чем вопросы ближайшего окружения, а также высокий уровень политического критеризма. И в том, и в другом случае можно отметить позиции

высокой электоральной активности. Принципиальное отличие «реформатора – активного гражданина» от «реформатора-мечтателя» заключается в различных трактовках тех перемен, которые совершаются в Польше, а также в тех ожиданиях, которые связаны с присоединением Польши к ЕС. Первый тип глубоко верит в содержание и необходимость дальнейших перемен, тем более что в его понимании они являются необходимым условием его собственной жизненной активности (личных планов, которые он намерен реализовать). Второй тип принимает происходящие перемены, поскольку надеется, что они изменят – как по мановению волшебной палочки – его положение в жизни, обеспечат более беззаботное будущее.

Тип «реформатора – активного гражданина», прежде всего, обнаруживается среди сельских элит, но не только. Отчасти он представлен и сельской интеллигенцией, и развивающими свой бизнес предпринимателями, и учащейся взрослой молодёжью. Тип «реформатора-мечтателя» более характерен для гмин с неблагоприятными социально-экономическими характеристиками.

Наименее распространены на селе позиции отчуждения, пассивности, равнодушия, когда люди и не испытывают потребности вмешиваться в проблемы других людей, и не выказывают готовности к совместной активной деятельности (считают, что решать «определённые» проблемы должны другие – учреждения, институции). Такие позиции на селе даже более редки, чем в городской среде. Существуют характерные различия внутри самой сельской среды – между сёлами в сельскохозяйственных (и крестьянских) районах и сёлами в пригородной местности, которые в этом плане ближе к городу, т. к. насчитывают большое число отчуждённых и пассивных личностей, хотя, с другой стороны, в них существенно больше, чем в городских гминах, личностей открытых и ангажированных.

Имеют ли какую-либо практическую значимость обнаруженные в ходе исследования закономерности? Скорее да, если взглянуть на два последних столбца представленных в статье таблиц и сопоставить данные, касающиеся городских и сельских гмин. Легко можно увидеть, что согласно этим данным стереотипное представление об атрофии социального капитала на селе не находит своего подтверждения. Более того, основные показатели факторов, составляющих социальный капитал, выглядят значительно лучше в цивилизационно отсталых гминах. Такие данные противоречат сложившемуся представлению о традиционных, культурно однородных местных сообществах, в определённом смысле шокируют и представляют чрезвычайные трудности для интерпретации. Прежде всего потому, что они питают излишний и поверхностный оптимизм – ведь бедные и цивилизационно отсталые сельские сообщества

обладают сильным социальным капиталом, которого никто от них не ожидал и который является столь редким и искомым качеством. Но должны ли мы радоваться этому, и если да, то почему?

Обратимся к рассмотренному нами выше разделению социального капитала на капитал «сплачивающий» (bonding) и капитал «наведения мостов» (bridging). Первый может быть описан в категориях укрепления связей и исключения, второй – в категориях наведения переправ и включения (инклюзии). Формирование социального капитала может вести к укреплению связи между членами сообщества, а может также формировать такой социальный капитал, который позволяет «наводить переправы», т. е. открываться на новый тип связей, новые ценности, новые, культурно «чужие» источники ресурсов, означающие не только ассимиляцию с господствующей культурой и с требованиями глобального общества (они связывают с надлокальной общностью), но и обеспечение новыми источниками, актуализирующими внутренние, уже имеющиеся в наличии ресурсы, благодаря которым можно более результативно решать собственные (локальные) проблемы и соблюдать собственные (общественные) интересы.

Как пишет Патнэм (см.: [6]), капитал *сплачивающий* – это совокупность признаков, свидетельствующих о специфической системе взаимосвязи и мобилизации солидарности в группе, институции, локальном сообществе. Капитал *наводящий мосты* – это совокупность признаков, свидетельствующих о способности людей (сообществ) открываться к тому, что находится за их пределами и «над ними», это специфическая готовность к пополнению своих ресурсов теми, которые можно приобрести путем «наведения переправ». Наводящий мосты социальный капитал может генерировать более обширные идентификации и взаимосвязи, выходящие за пределы локальной структуры. Сплачивающий социальный капитал поддерживает узкие рамки самобытности и замыкается перед возможностью обогащаться за счёт чужеродного влияния («изменяемость»).

Эти терминологические различия позволяют обнаружить, что социальный капитал имеет не только светлую сторону, что существует не только «хороший» социальный капитал. А. Портес называет четыре «тёмные стороны» сильного (сплачивающего) капитала (см.: [14, с. 1–24]). Первая выражается в опасности исключения людей из собственной группы всякий раз, как возникает подозрение, что другие (чужие) угрожают сплочённости и самобытности собственной группы, либо уменьшают шансы на доступ к социально одобряемым ценностям (благам). В этих случаях возникает тенденция к поддержанию чувства сплочённости только для «своих» и в пределах «своих». Вторая опасность сильного (сплачивающего) социального капитала связана с риском огра-

ничения инициативности и окостенения сообщества, поскольку социальный капитал формируется, опираясь на отрицание новизны, в рамках «традиционных» правил групповой жизни. В-третьих, сильный (сплачивающий) социальный капитал (сильные связи и сильные групповые нормы) не слишком много места оставляет для индивидуализма, который, будучи достаточно проблематичен сам по себе, тем не менее, обладает важными позитивными качествами. Наконец, в-четвертых, сильный социальный капитал порождает механизмы, позволяющие сохранять социальные диспропорции, затрудняющие преодоление более глубоких конфликтов системы. Например, посредством механизмов самоисключения, он позволяет существовать группам, сплочённым вокруг оппозиционных культур, которые в таком случае становятся «узким местом» преобразований. На такие группы не оказывают воздействия ни стратегии убеждения, ни социотехники, ни программы поощрения инициатив (пример – самовоспроизводящаяся культура бедности).

Однако основной вопрос заключается в том, происходит ли в описанных социальных сообществах конверсия социального капитала типа “bonding” в социальный капитал типа “bridging”, и наоборот? Иными словами – может ли эндогенный (принадлежащий локальному сообществу) социальный капитал генерировать экзогенный капитал (конструирующий сельские сети поддержки). Одновременно – с другой стороны – в состоянии ли экзогенный капитал, вызванный к жизни процессами унификации, разбудить и активизировать внутренние социальные ресурсы села? В этом смысле приведённые в статье исследования остановились там, где проблемы только начинаются.

Безусловно, очень важную роль в этих процессах играют лидеры локальных сообществ. От них зависит многое, и, прежде всего, будет ли формироваться социальный капитал с целью социальной инклюзии или эксклюзии, будет ли он опираться на связи типа “bonding” или типа “bridging”, будет ли он способен в дальнейшем умножать внутренние связи таким образом, чтобы повышать готовность сообщества отвечать на новые вызовы или чтобы поддерживать особость группы и использовать её потенциал в решении собственных локальных проблем. В самом деле – в руках лидеров и всей программы LEADER+ не только дело активизации локальных ресурсов и инициатив, но также ответственность за их развитие в верном направлении и за более отдалённые последствия.

Безусловно, очень важную роль в процессах активизации внутренних социальных ресурсов села играют лидеры локальных сообществ.

Библиографический список

1. Smith, M. K. Social Capital // The encyclopedia of informal education (Infed). URL: http://www.infed.org/biblio/social_capital.htm (6.12.2011).
2. Cohen, D.; Prusak, L. In Good Company. How social capital makes organizations work. – Boston, Ma.: Harvard Business School Press, 2001.
3. Bourdieu, P. The forms of capital // S. Ball (red), The RoutledgeFalmer reader in sociology of education. – London: RoutledgeFalmer, 2004.
4. Ball, S. Class strategies and the educational market. The middle classes and social advantage. – London: Routledge Falmer, 2003.
5. Coleman, J. The role of the social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94.
6. Putnam, R. D. Bowling Alone. The collapse and revival of American community. – New York: Simon and Schuster Paperbacks, 2000.
7. Gołaszewska, B. Kapitał społeczny wsi a skuteczność pozyskiwania środków unijnych. Докторская диссертация. Науч. рук. проф. С. Клопота. – Wrocławski Uniwersytet, 2008.
8. Czapiński, J. Kapitał społeczny // Janusz Czapiński, Tomasz Panek (red). Diagnoza Społeczna. 2005.
9. Гмина // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%EC%E8%ED%EO> (6.12.2011).
10. Szafraniec? K. (red.). Kapitał ludzki i zasoby społeczne wsi. Ludzie – społeczność lokalna – edukacja. – Warszawa: IRWiR PAN, 2006.
11. Szafraniec, K. (red.) Jednostkowe i społeczne zasoby wsi. – Warszawa: IRWiR PAN, 2006.
12. Fedyszak-Radziejowska, B. Kapitał społeczny wsi – w poszukiwaniu utraconego zaufania // Krystyna Szafraniec (red), Kapitał ludzki i zasoby społeczne wsi. Ludzie – społeczność lokalna – edukacja. – Warszawa: IRWiR PAN, 2006.
13. Głuszyński, J. Opinie mieszkańców wsi i rolników na temat integracji, przed i po wejściu Polski do Unii Europejskiej // Wieś i Rolnictwo (numer specjalny). 2005.
14. Portes, A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. N 24.